

Т. В. Станюкович

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб культуре советского народа. Существенно пострадала и советская этнографическая наука, в частности ее источниковедческая база — коллекции, хранящиеся в отечественных музеях этнографического и исторического профиля.

Крупнейшие этнографические музеи находились в Москве (Музей народов СССР) и Ленинграде (Музей этнографии народов СССР и Музей антропологии и этнографии АН СССР). В первых двух были сосредоточены материалы по культуре и быту многочисленных народов до-революционной России и социалистических республик Советского Союза, в третьем — по народам всего мира.

Значительные собрания, главным образом по народам отдельных регионов, имелись в республиканских, областных и краеведческих музеях. В числе богатейших из них следует назвать Этнографический музей Эстонской ССР (Тарту), Музей этнографии и Музей художественных промыслов Украины (Львов), Музей истории культуры и искусства Узбекской ССР (Самарканд), Белорусский исторический музей (Минск), Государственный историко-краеведческий музей Молдавской ССР (Кишинев), Музей истории Латвийской ССР (Рига), Историко-этнографический музей Литовской ССР (Вильнюс), Государственный музей Татарской АССР (Казань), Харьковский государственный исторический музей, Государственный музей Грузии (Тбилиси), Государственный музей Армении (Ереван), Якутский республиканский музей (Якутск), Хабаровский краеведческий музей, Красноярский краевой музей, Минусинский межрайонный музей им. Н. М. Мартыанова и многие другие¹.

В период Великой Отечественной войны музеи Европейской части СССР, как и другие научные учреждения этого района, в значительной мере видоизменили свою деятельность. Большая часть мужчин ушла на фронт по мобилизации или добровольно, остальные сотрудники вели героическую работу по обороне местных объектов и спасению научных и художественных ценностей. По данным Института музееведения, в конце 1942 г. из 384 музеев РСФСР продолжал нормальную работу лишь 121, т. е. менее 1/3². В соответствии с решением правительства в первые

¹ «Этнографические коллекции в музеях СССР», М., 1964, стр. 47—63, 65—67 и др.

² М. П. Симкин, Советские музеи в период Великой Отечественной войны, «Труды НИИ музееведения», М., 1961, стр. 176.

же недели войны началась эвакуация музейных ценностей из прифронтной зоны, а также из районов, подверженных вражеским налетам. Все специалисты, которые не ушли на фронт, принимали деятельное участие в упаковке и транспортировке экспонатов. Советом по эвакуации при Совнаркоме СССР была определена последовательность эвакуации музейных фондов (музейные экспонаты были разделены на три группы в зависимости от их исторической и научной значимости; в первую очередь эвакуировались наиболее ценные вещи).

По неполным данным в 1941—1942 гг. были эвакуированы фонды 66 музеев из 41 города³.

Эвакуация часто протекала в тяжелых условиях, в несколько этапов. Наиболее ценные коллекции Музея народов СССР и других московских музеев были вывезены на баржах, которые неоднократно подвергались бомбежке. Одна из них чуть не погибла при столкновении с потерпевшим управление судном и лишь к концу августа с трудом добралась до места назначения — в г. Хвалынский. Однако уже в ноябре была назначена вторичная эвакуация, на этот раз в Кустанай, куда сотрудники, несмотря на большие трудности, и доставили музейные ценности. Во время эвакуации из Ленинграда коллекций Государственного музея этнографии народов СССР загорелся вагон с экспонатами. Сопровождавший эшелон сотрудник на полном ходу поезда перескочил на крышу горящего вагона и погасил пожар. Сотрудники Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника сумели вывезти ценнейшие коллекции музея на баржах буквально на глазах у врага. Херсонесский историко-археологический музей также вывозил свои коллекции во время боев. Уже на третий день войны севастопольская гавань была заминирована, территория музея подвергалась систематической бомбардировке. И все же наиболее ценные памятники были вывезены паромом в Потти, откуда затем переправлены поездом в Тбилиси и Баку и, наконец, морским путем в Краснодарск. Лишь через 105 дней эти коллекции оказались на месте назначения — в Свердловске⁴.

Несмотря на огромный размах работ по эвакуации музейных фондов, часть коллекций оставалась на местах. Для хранения этнографических музейных ценностей в Москве были избраны подвалы так называемой «Мамоновой дачи» и здание школы на Почтовой улице; в Ленинграде — помещение Исаакиевского собора. Прочные конструкции его вполне соответствовали задаче: снаряды и бомбы, повреждая внешние части здания, внутрь его не проникали. Широко использовались также подвалы Эрмитажа и Кунсткамеры. Коллекции, не вывезенные Музеем антропологии и этнографии АН СССР, Русским музеем, Эрмитажем размещались в этих хранилищах в специальных ящиках, каждый из которых был снабжен описью. Научные сотрудники не только героически боролись с зажигательными бомбами, но и следили за сохранностью предметов, проветривали их в перерыве между обстрелами, пересыпали химикатами. Строго продуманная организация и методика хранения ценностей обеспечили их сохранность. Так, например, в Музее антропологии и этнографии за время войны были повреждены молью лишь 68 предметов.

Громадный урон музеям нанесли обстрелы и бомбардировки. Так, например, Новозыбковский музей (Брянская область) был полностью уничтожен фугасной бомбой⁵. В результате прямого попадания четырех фугасных бомб и артснарядов было разрушено здание Государственного музея этнографии народов СССР и уничтожены коллекции, хра-

³ М. П. Симкин, Указ. раб., стр. 182—183; М. Ф. Комарова, О работе музеев в дни Великой Отечественной войны, «Информационное письмо НИИ музееведения», М., 1943, стр. 22—23.

⁴ Н. Д. Максименко, Работа Херсонесского музея в дни войны, Архив НИИ культуры (НИИК), д. 60, л. 137.

⁵ «Отчеты музеев Брянской области». Архив НИИК, д. 52, л. 21.

нившиеся в его подвалах. Погиб так называемый «жесткий фонд» музея, насчитывавший несколько десятков тысяч экспонатов (украинское стекло, русское и кавказское дерево, среднеазиатская керамика и др.)⁶.

Во время наступления фашистских войск и в период оккупации музейные сотрудники стремились спасти от конфискации, расхищения и бессмысленного уничтожения все, что возможно. Они прятали экспонаты и целые коллекции по домам, вывозили их в деревни, закапывали, замуровывали, создавали тайники. В этом им помогали и население, и армия. Так, бойцы и офицеры Советской армии, сражавшиеся в районе Павловского дворца под Ленинградом, настолько надежно спрятали ряд ценнейших скульптур, что оккупанты, несмотря на длительные поиски, не сумели их обнаружить.

Однако далеко не все музейные ценности удалось спасти. Музейные коллекции БССР, например, не были вывезены и попали в руки врага.

Фашистский генеральный комиссар оккупированной Белоруссии В. Кубе 29 сентября 1941 г. сообщал по этому поводу имперскому министру по оккупированным восточным областям рейхслейтеру А. Розенбергу следующее:

«В Минске находилась большая ...очень ценная коллекция... частично... упакованная людьми СС и отосланная в Германию. Речь идет о миллионных ценностях, изъятых в генеральном округе Белоруссии... По свидетельству майора 707-й дивизии... СС предоставил остальные предметы искусства: ценнейшие картины и мебель XVIII и XIX веков, вазы, изделия из мрамора, часы и т. д. на дальнейшее расхищение германской армии. Генерал Штубенраух захватил с собой из Минска ценную часть этих коллекций...Зондерфюреры... увезли три грузовика с мебелью, картинами и предметами искусства... Из здешних остатков военные учреждения и учреждения СС без моего согласия взяли целый ряд предметов; эти предметы еще могут быть найдены в Минске. Прошу прислать сюда художника для реставрации картин, частично бессмысленно поврежденных ножевыми ударами... Сильно повреждены или уничтожены драгоценные вазы, фарфор, шкафы, стильная мебель XVIII в. В общей сложности речь идет о незаменимых ценностях на миллионы марок... Исторический музей также совершенно опустошен»⁷.

Как удалось установить уже после окончания войны, конфискованные фашистами в Белоруссии этнографические коллекции были первоначально вывезены в Кенигсберг. Розыск их, однако, до сих пор не увенчался успехом.

Судьба других музеев, находившихся на территории, оккупированной в первые же недели войны, сложилась по-разному: в здании Государственного этнографического музея Эстонии (Тарту) было размещено немецкое воинское подразделение. Сотрудникам Музея в крайне неблагоприятных условиях удалось вывезти и спрятать в деревне наиболее ценную часть фондов. Однако свыше 9,5 тыс. предметов (около 15% фонда) было разграблено и уничтожено. Само здание музея было сожжено оккупантами⁸.

Помещение Музея истории Латвийской ССР в Риге также было конфисковано фашистским командованием, а фонды (в частности, богатейшие этнографические собрания) вывезены в Германию. После окончания войны лишь часть их была обнаружена в Чехословакии и в 1946 г. воз-

⁶ Т. А. Крюкова, Е. Н. Студенецкая, Государственный музей этнографии народов СССР за 50 лет Советской власти, в кн. «Очерки истории музейного дела в СССР», вып. VII, М., 1971, стр. 57—58.

⁷ «Нюрнбергский процесс», т. III, «Военные преступления и преступления против человечества», М., 1958, стр. 584—585.

⁸ «Справка Этнографического музея Эстонской ССР от 24/II — 1975 г.», Архив МАЭ. ф. 1, оп. 1, № 820, лл. 1—2.

вращена в Ригу. Основная же масса безвозвратно утеряна⁹. Экспонировавшиеся в Латвийском этнографическом музее на открытом воздухе (Букулты) крестьянские постройки использовались оккупантами в качестве складов, конюшен и для других, главным образом, армейских, надобностей и были сильно повреждены. Погиб и научный архив музея¹⁰. Коллекции Государственного краеведческого музея Молдавской ССР (Кишинев) были разграблены и вывезены в Германию. Фонды Историко-этнографического музея Литовской ССР в Вильнюсе, насчитывавшие к началу войны около 12 тыс. экспонатов, в значительной части расхищены и утеряны. Пострадала документация и погубило свыше 23 тыс. предметов из коллекционных фондов львовских музеев¹¹.

В зонах, не подвергшихся оккупации и отдаленных от фронта, работа музеев продолжалась; однако она имела специфику, вызванную потребностями военного времени. В ряде областей (Приуралье, Сибирь) были созданы хранилища для ценнейших коллекций центральных музеев. Несмотря на то, что многим местным учреждениям пришлось потесниться, что фонды ряда музеев были свернуты, в целом деятельность музеев была оживленной благодаря общению местных работников с сотрудниками Академии наук СССР и других центральных учреждений, особенно в тех городах, где временно проживали эвакуированные этнографы (Чистополь, Елабуга, Казань, Новосибирск, Кустанай, Ташкент, Самарканд, Сталинабад и др.).

В период войны продолжалась и культурно-массовая работа музеев хотя она также приобрела иной характер. Постановление Народного комиссариата просвещения, вышедшее в первые недели войны, обязывало все музеи вне зависимости от их профиля организовать «показ великих дел всех лучших представителей нашего народа и отдельных исторических этапов из героической прошлого Родины»¹². Следует отметить, что многие музеи предвосхитили это постановление. Так, например, уже 23 июня 1941 г. сотрудники Государственного музея Татарской ССР открыли выставку «Советский народ победит!»¹³. Трудно перечислить темы организованных в эти годы выставок. Многие из них характеризовали победоносные битвы прошлого («Ледовое побоище», «Полтавская баталия», «Бородино», «Взятие Перекопа»), военное искусство крупнейших полководцев (А. В. Суворова, М. И. Кутузова, М. В. Фрунзе, В. И. Чапаева), борьбу с оккупантами в период интервенции («Борьба с немецкими оккупантами в 1918 году»). После победы под Москвой огромную популярность приобрели так называемые «трофейные выставки», на которых демонстрировались документы и оружие, отбитое у врага.

Центральные и местные музеи организовывали также передвижные выставки для гарнизонов, госпиталей и гражданского населения, демонстрация которых сопровождалась беседами и лекциями. Так, например, Музей народов СССР только в помещении Московской консерватории организовал зимой 1941—1942 гг. восемь передвижных выставок,

⁹ «Справка Латвийского этнографического музея от 24/III—1975 г.», Архив МАЭ, кн. 1, оп. 1, № 820, л. 3; «Музей истории Латвийской ССР», Рига, 1969, стр. 12 и др.

¹⁰ «Справка Латвийского этнографического музея от 24/III—1975 г.», Архив МАЭ, кн. 1, оп. 1, № 820, лл. 4—5.

¹¹ «Справка Государственного историко-краеведческого музея Молдавской ССР (Кишинев) и Историко-этнографического музея Литовской ССР (Вильнюс) от 5/III—1975 г.», Архив МАЭ, кн. 1, оп. 1, № 820, лл. 6—11. «Скарби Музеїв України», Київ, 1974, стор. 2; Ю. Г. Гошко, Державний Музей етнографії та художнього промислу у Львові, «Народна творчість та етнографія», 1974, № 3, стр. 69; В. А. Гавриленко, Столетие Государственного Музея этнографии и художественного промысла АН УССР, «Сов. этнография», 1975, № 2, стр. 60.

¹² «Директивное письмо Наркомпроса от 15/VII—41 г.», Цит. по кн.: М. П. Симкин. Указ. раб., стр. 210.

¹³ К. Р. Синицына, Из истории музейного строительства в Татарской АССР, «Очерки истории музейного дела в СССР», вып. VII, М., 1971, стр. 157.

значительная часть которых была посвящена обороне Москвы и героям подмосковной битвы¹⁴. Силами Республиканского музея Таджикской ССР в Доме Красной Армии ежегодно проводился цикл лекций о полководцах Отечественной войны 1812 г., гражданской войне и ее героях.

В агитационных целях музеи начали все шире использовать наряду с местными также и интернациональные материалы. В числе работ Музея народов СССР можно назвать экспозиции на такие темы, как «Антифашистский щит», «В этой войне мы не одиноки», «Оборона Москвы»; в Дагестанском республиканском краеведческом музее — «Боевые эпизоды Красной армии», «Отомстим за кровь детей Отчизны»; в Республиканском музее Таджикской ССР — «Восстание Воссе», «Таджикистан в Отечественной войне», «Дружная семья советских народов»; в Историческом музее Киргизской ССР — «М. В. Фрунзе» и др.

Государственный музей Татарской ССР за годы войны организовал 30 выставок, в том числе и такие, как «Лицо врага», «Героическое прошлое русского народа», «Промышленность Татарии — фронту» и т. д. Большая часть этих выставок оформлялась скромно, с помощью фото- и текстовых материалов. Правда, иногда выставки отличались высокохудожественным оформлением. Так было, например, в Самарканде, куда были эвакуированы московские художники.

После Сталинградской битвы, когда Советская армия перешла в наступление и враг начал стремительно откатываться назад, наряду с агитационными выставками-однодневками музеи начали организовывать и стационарные выставки с использованием вещевого этнографического материала. Такие экспозиции способствовали укреплению национального самосознания отдельных народов, позволяли народам нашей страны лучше узнать друг друга и, таким образом, помогали воспитанию советского патриотизма. Музей народов СССР открыл в Москве на Почтовой улице экспозицию «Русские» (1943 г.) и «Белорусы» (1944 г.); Музей этнографии народов СССР развернул в Новосибирске, куда были эвакуированы его коллекции после освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков, выставку «Быт и искусство народов Северного Кавказа»; Республиканский музей Таджикской ССР — выставки «Таджикское народное искусство» (1943 г.) и «Таджикский народный театр» (1944 г.); Государственный музей Татарской ССР — «Татарское народное искусство» (1944 г.)¹⁵.

После освобождения оккупированных территорий выяснилось, что особенно пострадали музеи Белоруссии, Украины, Молдавии и РСФСР (Псковской, Сталинградской, Калининской, Ленинградской и Курской областей). В ряде случаев на месте музеев осталось только пепелище.

В документах и решениях советского правительства нередко фигурировали данные об ущербе, нанесенном музеям. Материалы для этих документов готовили музейные работники, возвращавшиеся вслед за армией в первом же эшелоне. На Нюрнбергском процессе указывалось, что фашисты захватили, разграбили и разрушили на оккупированной территории 427 музеев¹⁶. Не располагая другими данными, сообщим лишь, что ущерб, нанесенный только одному Музею этнографии народов СССР (в Ленинграде), превысил 91 825 руб.¹⁷. Ненесчис-

¹⁴ К. А. Вовочинская, М. Ф. Комиссарова. Работа музеев РСФСР в условиях военного времени, «Информационное письмо НИИ музееведения», № 1, М., 1942, стр. 2—21: «Работа политико-просветительных учреждений в условиях военного времени (директивные материалы для музеев)», вып. IV, М., 1943.

¹⁵ К. Р. Синицына, Указ. раб., стр. 156—160; Т. А. Крюкова, Е. Н. Студенцакая, Указ. раб., стр. 59, и др.

¹⁶ «Нюрнбергский процесс», т. III, стр. 563.

¹⁷ «Акт комиссии по нанесению ущерба немецко-фашистскими захватчиками Государственному музею этнографии народов СССР», Архив ГМЭ, ф. 2, оп. 1, д. 858, стр. 1—2, 30/VIII—1943 г.

лимы и человеческие потери: ленинградские этнографические музеи, например, потеряли (убитыми на фронтах и умершими во время блокады от голода и болезней) от 1/3 до 1/2 своего личного состава.

После завершения войны началось восстановление фондов и экспозиций музеев: строились и реставрировались здания, разыскивались похищенные коллекции, разрабатывались списки необходимых пополнений, создавались планы новых экспозиций. В этой чрезвычайно трудной работе большую помощь оказывало местное население, а также музеи других республик. Так, например, в 1945 г. Правительство Литовской ССР передало в дар БССР коллекцию Вильнюсского белорусского музея, со держащую свыше 20 тыс. экспонатов по народному изобразительному искусству белорусов, народным музыкальным инструментам и др.¹⁸

В ряде случаев для нормального функционирования музеев приходилось идти на их слияние. В Харькове, например, до войны имелось девять музеев. Их фонды были в основном вывезены в Германию. На базе небольшой части экспонатов, которые удалось спрятать, в 1943 г. был организован один Харьковский государственный исторический музей.

Аналогичная картина наблюдалась и в Воронеже, где на основе фондов трех разоренных музеев был создан один Областной краеведческий музей¹⁹. Были слиты, хотя и по другим причинам, Музей народов СССР и Музей этнографии народов СССР на базе последнего.

Следует отметить, что даже полностью сохранившим свои фонды музеям (как, например Музею антропологии и этнографии АН СССР) предстояла огромная работа. Много сил и времени отняли разборка заложенных кирпичем оконных амбразур, уничтожение точек долговременной обороны, построенных во время войны на территории музея, застекление полностью выбитых окон, починка пробитой крыши, капитальный и косметический ремонт фасадов и интерьеров. Ученые Института этнографии и Музея антропологии и этнографии Академии наук с огромным энтузиазмом принялись за восстановительные работы и уже к 1945 г. сумели привести в порядок здание и разобрать коллекции. К 220-летию юбилею Академии наук (1945 г.), на празднование которого съехались свыше 1200 советских и 100 иностранных ученых²⁰, Музей антропологии и этнографии АН СССР подготовил выставку силами небольшого коллектива сотрудников, переживших войну и блокаду, и вновь принятых аспирантов Института этнографии. Выставка состояла из нескольких разделов. Она демонстрировала коллекции музея, приобретенные Академией наук в XVIII в., материалы, собранные в более позднее время по отдельным темам («Искусство народов Сибири», «Болгарская одежда»); показаны были также основные научные направления работы Института этнографии²¹. Известный американский антрополог Генри Филд дал подробное описание этой выставки в статье «Антропология в Советском Союзе»²². Он подчеркнул огромную ценность экспонированных коллекций и обратил особое внимание на то, что советские этнографы и антропологи не прерывали научной деятельности в период войны и даже добились значительных успехов.

Юбилейная выставка была, так сказать, первой ласточкой послевоенной весны. В дальнейшем центральными, а несколько позже и региональными музеями был создан ряд интересных экспозиций монографического характера: в Музее антропологии и этнографии АН СССР — «Народы Африки» (1946 г.), «Народы Америки» (1948 г.), «Народы

¹⁸ «Советское искусство», 22 января 1945 г.

¹⁹ М. П. Симкин, Указ. раб., стр. 300.

²⁰ Г. А. Князев, А. В. Кольцов, Краткий очерк истории Академии наук СССР, М.—Л., 1957, стр. 132.

²¹ «Краткий путеводитель. Выставка к 220-летию Академии наук СССР», М.—Л., 1945.

²² Henry Field, Anthropology in the Soviet Union, 1945, «American Anthropologist», т. 49, № 3, 1946, p. 375—396.

Индии» (1949 г.), «Народы Индонезии» (1949 г.), «Народы Восточной Азии» (1950 г.) и др.; в Государственном музее этнографии — «Осетины» (1949 г.), «Кабардинцы» (1950 г.), «Народы Поволжья» (1950 г.), «Народы Севера» (1951 г.), «Русские», «Украинцы» (1960 г.); многочисленные выставки по культуре и быту коренных народов в большинстве республиканских музеев²³.

Одновременно практиковались и тематические выставки; наиболее популярными из них были: «Народное искусство», «Народные промыслы», «Народная одежда». При этом в республиканских музеях ограничивались показом культуры своего народа, а в Музее этнографии народов СССР — всех народов страны.

Методика построения большинства этих экспозиций значительно усовершенствовалась по сравнению с довоенным уровнем. В основу расположения материала были положены принципы историзма и этногеографической последовательности. Культура народов характеризовалась по разным срезам с помощью комплекса исторических, этнографических, археологических и антропологических источников. Эта методика, получившая признание в советском музейном деле, в послевоенные годы была освоена музейными работниками социалистических стран и некоторых стран Западной Европы²⁴.

Значительно улучшилось оформление музейных экспозиций. Как правило, с этой целью привлекались профессиональные художники. Появилась разнообразная музейная мебель современных форм; не стало перегрузки экспонатами и плоскостным материалом; в обиход вошли новые оформительские приемы и материалы.

В послевоенные годы было внедрено перспективное планирование собирательской и экспозиционной работы музеев: составлялись планы восполнения и пополнения вещественных и иллюстративных фондов музеев, разрабатывались генеральные планы построения экспозиций. Долгосрочное планирование вошло в быт не только старых, накопивших богатый опыт и традиции этнографических музеев, но и определило программу деятельности молодых музеев, в частности музеев на открытом воздухе (Тракайский музей Литовской ССР возник в 1948 г., Гориский краеведческий музей Армении — в 1949 г., Эстонский музей-парк Рокк-аль-Маре — в 1957 г.; Кижский музей в Карелии — в 1951 г. и т. д.)²⁵. Как в этих, так и в историко-революционных музеях-заповедниках значительно усилился этнографический аспект экспозиции и соответственно возрос удельный вес этнографических материалов. Одновременно возникает и ряд стационарных этнографических, археолого-историко-этнографических музеев в союзных республиках, например Исторический музей Туркменской ССР (Ашхабад, 1951 г.), края (Сахалинский областной музей, 1946 г.), а также при новых отделениях Академии наук (например, Археолого-этнографический музей при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, 1960 г.). К этому же времени относится появление принципиально новой формы

²³ Т. В. Станюкович, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, М.—Л., 1964, стр. 82—86; Сб. «250-летие Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого», М.—Л., 1964, стр. 133—148; Т. А. Крюкова, Е. Н. Студенецкая, Указ, раб., стр. 75—80; Ю. Г. Гошко, Указ, раб., и др.

²⁴ Л. Кунц, Народ в пяти поколениях. Новая этнографическая экспозиция Моравского музея г. Брно, «Сов. этнография», 1963, № 2, стр. 72.

²⁵ К. П. Викманис, О развитии Латвийского этнографического музея под открытым небом. «Сов. этнография», 1963, № 2, стр. 112—113; О. Р. Корзюков, Принципы организации Эстонского государственного парка-музея. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964 (далее — Доклад на VII МКАЭН); П. К. Пладуиньш, Принципы и практика создания этнографических музеев под открытым небом в Латвийской ССР, Доклад на VII МКАЭН; И. В. Маковецкий, Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи. «Сов. этнография», 1963, № 2, стр. 7—18.

музеев — музеи на общественных началах, коллекционирующие материалы по истории, в том числе и по военной истории республики, края, отдельных населенных пунктов. Немалое место в них занимают и этнографические материалы.

Росту сети этнографических музеев и повышению уровня их работы в эти годы способствовала научно-исследовательская и методическая деятельность крупных специалистов в области музейного дела из Академии наук и Музея этнографии народов СССР — Л. П. Потапова, М. Г. Левина, В. В. Гинзбурга, М. Г. Рабиновича, Е. Н. Студенецкой, Т. А. Крюковой, хорошо знающих нужды и возможности как центральных, так и краеведческих музеев. Помимо общих принципов экспозиции (о которых уже говорилось выше) ими был разработан ряд частных вопросов, как, например, методика показа в этнографической экспозиции материалов смежных дисциплин (например, археологических и антропологических памятников), методика демонстрации материалов по современности и многое др.²⁶ Громадную роль в обогащении теории и практики музееведения, в том числе этнографического, принадлежала Институту музееведения, издавшему значительное число определителей и методических руководств по собиранию, оформлению, декоративным и методическим приемам экспозиции²⁷.

Из сказанного явствует, что советские этнографические музеи с честью выдержали тяжелые испытания, порожденные второй мировой войной. Большая часть музеев сохранила основной коллекционный фонд, активно восполняемый и пополняемый (вплоть до наших дней) материалами, характеризующими традиционный быт и современность.

В области методики построения этнографических экспозиций и принципов их оформления в послевоенные годы наблюдались большие сдвиги, что позволило улучшить работу как столичных, так и периферийных музеев.

²⁶ Л. П. Потапов, Основные вопросы этнографической экспозиции в советских музеях, «Сов. этнография», 1952, № 2; М. Г. Рабинович, Археологические материалы в экспозиции краеведческих музеев, М., 1961; А. И. Михайловская, Карты в экспозиции музеев, М., 1947.

²⁷ «Хозяйство и быт русских крестьян. Определитель» (под ред. К. Г. Митяева), М., 1959; «Крестьянская одежда населения Европейской части России» (отв. ред. А. А. Лебедева), М., 1971; «Изучение и научное описание памятников материальной культуры» (отв. ред. А. М. Разгон и Н. Т. Финягина), М., 1972; А. И. Михайловская, Музейная экспозиция, М., 1964; и др.